

Читайте также в серии
«Смерть в пионерском галстуке»:

Эльвира Смелик и Екатерина Горбунова
«Смерть в пионерском галстуке»

Эльвира Смелик и Екатерина Горбунова
«Пионерская клятва на крови»

Владимир Волков
«Темная флейта вожатого»

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК ЕКАТЕРИНА ГОРБУНОВА

**ЗИМНЯЯ СМЕРТЬ
В ПИОНЕРСКОМ
ГАЛСТУКЕ**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С50

Смелик, Эльвира Владимировна.
С50 Зимняя смерть в пионерском галстуке / Эльвира
Смелик, Екатерина Горбунова. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с. — (Смерть в пионерском галстуке).

ISBN 978-5-04-225986-9

Накануне Нового года воспитанники интерната отправляются на базу отдыха «Речные Зори». Говорят, тридцать лет назад в этом месте бесследно исчез пионерский лагерь, и с тех пор в тумане бродят призраки пионеров.

Вдохновленные легендой, ребята устраивают безобидные розыгрыши, а затем создают специальный тайный отряд. Со временем их детские шалости превращаются в опасные игры на грани жизни и смерти.

Но когда из-за сильного снегопада на базе отключается электричество, зимний лагерь оказывается отрезанным от внешнего мира. И ловушка захлопывается: сотрудники базы и сопровождающие детей взрослые начинают пропадать без вести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225986-9

© Волков В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

От сияющей белизны снега резало глаза. Смотреть на него было настолько же невозможно, как на солнце. А то, еще вчера скрытое плотными серыми тучами, сейчас, будто дорвавшись и желая нагнать упущенное, пекло нещадно. От чего с каждой секундой становилось все жарче и жарче, словно Димка находился не посреди заснеженного и скованного льдом мира, а в пустыне Сахара. Или в калифорнийской Долине Смерти, о которой рассказывал на одном из своих уроков занудливый географ Руслан Юнирович.

Раскаленный воздух обжигал кожу. Особенно губы. Так, что казалось, они вот-вот полопаются, не выдержав, как кожура на сваренной в мундире картошке. А потом и сам Димка начнет плавиться, растекаться или запечется заживо, снаружи покрывшись хрустящей корочкой, а внутри выгорев дотла. Потому что ощущение было, будто вдыхаешь не воздух, а самую настоящую магму, очень горячую, жидкую и почему-то тяжелую, разъеда-

шую легкие, медленно подбирающуюся к сердцу. И оно загнанно бухало, все мощнее, все надрывнее, молотом колотило по ребрам.

Голова обессиленно моталась из стороны в сторону. Перед глазами мелькали темные пятна. Или нет, цветные. Крошечные пестрые мошки. Они вспархивали, но почти моментально вспыхивали и сгорали, не выдержав жара.

Снег тоже не выдержал. Но он не просто таял, превращаясь в бегущие к водохранилищу ручейки, а сразу оборачивался паром, который не поднимался вверх, а собирался над желтоватой землей, делался все плотнее, клубился. Совсем как туман.

«Больше не могу», — хотел сказать Димка, но не сумел разлепить спекшиеся губы. Тем более уйти он тоже не мог. И даже не потому, что тело не слушалось, а из-за него, того, кто находился совсем рядом.

Димка давно уже не видел его, но хорошо чувствовал, а еще слышал его тяжелое рваное дыхание. И нет, он ничуть не боялся. Тем более лучший друг и одноклассник Жека Заветов тоже сидел рядом.

Вдруг он зашевелился, поднялся и медленно побрел, пошатываясь.

— Ты куда? — окликнул его Димка.

Не факт, что губы послушались, приоткрылись хоть чуть-чуть и получилось сказать вслух. Но Жека его все равно услышал, обернулся, так же беззвучно ответил:

— В лагерь.

— В какой... лагерь?

Сознание тоже плавилось, мысли путались, становясь тягучими и липкими.

— Ну тот, — произнес приятель. — «Заря». Нас там ждут.

— Жек, ты чего? — встревоженно выдохнул Димка. — Туда же нельзя. Ты что, забыл, что Павел рассказывал? Зайдешь в ворота и уже не выйдешь. Исчезнешь.

— Нас там ждут, — словно у него заело, повторил Заветов. И упрямо поплелся дальше в мутную пелену.

— Жека, стой! — крикнул ему вдогонку Димка, но тот сделал еще шаг, и еще.

Плотные белые клубы накрыли его, обтекли, сомкнулись за спиной, и он действительно исчез, словно растворился в тумане.

— Жек, — пробормотал Димка потерянно, и на этот раз друг, похоже, услышал.

В тумане опять нарисовался размытый серый силуэт. Поначалу больше похожий на блеклую тень, приближаясь, он приобретал все более четкие

очертания, темнел, дополнялся деталями. И вдруг раздвоился, а потом и вовсе расстроился.

Трое вышли из тумана, но ни один из них не был Жекой. Хотя тоже пацаны, примерно их возраста или чуть помладше. Только выглядели они довольно странно.

Лица бледные, осунувшиеся, изможденные и какие-то состарившиеся. Но не в смысле, что взрослые. Так старятся не люди, а вещи. Внешне почти не меняются, но, если приглядишься, легко заметишь на них отметки, оставленные безжалостным временем: померкшие, выгоревшие цвета, трещинки, вмятинки, царапинки.

И одежда на мальчишках была будто обветшавшая, хотя не порванная, не обтрепанная, абсолютно целая. Парадная пионерская форма и красные галстуки.

Они подступили вплотную, окружили, произнесли хором:

— Идем с нами.

— Нет! Не пойду! — попытался возразить Димка. — Не собираюсь я в ваш лагерь! Не дождетесь! Отвалите от меня! Отвалите! — Но звука опять не получилось.

И отмахнуться не получилось, даже шевельнуться как следует.

ЗИМНЯЯ СМЕРТЬ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

— Да не стойте! — выкрикнул один из трех, громко скомандовал: — Быстро! Хватайте его и тащите!

И сразу цепкие сильные пальцы впились в Димкины руки и плечи, дернули, потянули за собой. А он, словно превратившись в безвольную тряпичную куклу, ничего, совсем ничего не мог с этим поделать.

ГЛАВА 1

В спортивном зале уже стояла высокая, под потолок, елка. И хотя каждый наступающий год называли новым, на самом деле все из раза в раз происходило абсолютно по-старому, ничего не менялось.

Даже сейчас ученики шестых-восьмых классов выстроились по периметру зала, словно на самом обычном уроке физкультуры. Только не в одну шеренгу, а в несколько, и напротив стоял не физрук, а директор интерната Екатерина Владимировна со старшей пионервожатой Ладой. Как раз возле елки, будто Дед Мороз и Снегурочка.

Они и выглядели вполне в тему. Высокая статная директриса в длинном темно-малиновом платье. Худенькая изящная Лада с густыми светло-русыми волосами, правда, не заплетенными в косу, а подстриженными довольно коротко под каре, одетая в голубую юбку и белую блузку. В образ не вписывался разве только ярко-алый пионерский

галстук, но на него не обязательно обращать внимание.

И лица у них были подходящие — загадочно-торжественные. Хотя что такого особенного они могли сказать?

— Ребята, вот и подошла к концу очередная четверть, — начала вещать директриса. — Впереди долгожданные зимние каникулы.

Всё как всегда. Со следующей недели начнутся утренники для малышни, в предпоследний учебный день покажут спектакль, поставленный театральным кружком, вечером устроят дискотеку для старших, а потом бóльшая часть ребят разъедется по домам.

Да, бóльшая, но не все. И этих «счастливиц» легко было определить по выражению лица.

Майя Бессмертна тоже из их числа.

Отец сказал, что вернется с вахты не раньше февраля. Да даже если бы он находился дома, самое большее забежал бы на час или на полчаса, всучил подарок, с виноватым видом вывалил кучу причин, почему не мог забрать дочь к себе пусть даже на неделю, и опять бы исчез. А мама...

Тут вообще лучше не вспоминать. Поэтому всё, что Майе светило в «долгожданные каникулы», — череда бесконечно тянувшихся скучных дней либо в родном интернате, либо в каком-то другом, где соберут всех оставшихся, назвав подобное унылое

времяпрепровождение завлекательным словосочетанием «зимний лагерь».

Но следующие фразы директрисы заставили Майю удивленно встрепенуться.

— Большое спасибо нашим шефам — моторному заводу за такой приятный сюрприз, — многозначительно возвестила Екатерина Владимировна. — Ребята, которые хорошо проявили себя в учебе и общественной работе, но у которых нет возможности провести праздники дома, тоже не останутся в городе, а поедут...

Она выдержала театральную паузу, за время которой по рядам успел пролететь взволнованный шепоток. Кто-то даже предположил, что отличившихся отправят в «Артек» или какой-нибудь санаторий на море. Но реальность оказалась куда прозаичнее.

— ...на заводскую базу отдыха! — с показательным энтузиазмом закончила директриса и принялась радостно расписывать: там они будут жить в двухэтажном корпусе с отоплением и со всеми удобствами. Сами нарядят елку, встретят Новый год. Смогут вдоволь покататься на лыжах и на санках. Она повысила и без того бодро звенящий голос:

— Возможно, даже будет организовано катание на лошадях! — И, переждав очередную волну шума, переглядываний и взволнованного шепота, объявила: — А сейчас Лада Евгеньевна назовет ре-

бят, которые своим трудом и старанием заслужили эту чудесную поездку!

— Майка, ты слышала? — пихнула Майю локтем в бок стоявшая рядом подружка Таня Каширина. — Нас тоже назвали.

Глаза ее радостно сияли, но, скорее всего, не столько оттого, что она действительно была в большом восторге от подарка шефов. Просто Танька такая: что бы ни делать, лишь бы не сидеть на месте. А тут действительно долгожданная возможность наконец-то выбраться не только из надоевших стен интерната, но еще и за пределы окружавшего его забора. Далеко за пределы.

Их же даже в город обычно не выпускали без сопровождения взрослых. Только самых старших, кто учился в девятом и десятом. А для всех остальных, особенно тех, кого не забирали домой ни на каникулы, ни на выходные, мир буквально существовал только в пределах интернатской территории.

Детки в клетке. Человеческий зоопарк.

Когда была помладше, Майя частенько подолгу торчала возле забора, вцепившись руками в его металлические прутья и почти прижимаясь к ним лицом, смотрела и смотрела туда, наружу, пытаясь проникнуть взглядом как можно дальше, представляя, что ждало бы ее там и как бы она бродила по улицам.

Без особых намерений, без цели, просто убеждаясь, что в реальности мир гораздо больше и что ей не придется всю жизнь прозябать в пространстве, ограниченном интернатским забором, выкрашенным бледно-зеленой краской, местами облупившейся, местами вздувшейся пузырями, местами разъеденной грязно-рыжими разводами ржавчины.

Когда-нибудь Майя выберется отсюда, обязательно выберется. И конечно, ей хотелось, чтобы это произошло как можно раньше.

Обводя взглядом открывавшуюся перспективу, она очень надеялась, что вот сейчас, с минуты на минуту, появятся мама или папа, скажут: «И что ты здесь стоишь? Давай-ка беги поскорее собирайся, и пойдем домой. И ты больше никогда-никогда сюда не вернешься».

— Бессмертнова, ты чего? — удивленно воззрилась на нее Таня, зашептала обеспокоенно: — Не хочешь ехать? Хочешь здесь все каникулы проторчать? Ты совсем чеканулась? — Затем с выразительным нажимом перечислила: — Бармута тоже едет, и Жека. И Илья. Хотя Марина и предупредила его, что, если дальше будет откалывать такие номера, его в девятый не возьмут, а отправят в двадцатое ПТУ. Ну которое для самых отпетых и умственно отсталых. И никакие хорошие оценки

и спортивные результаты ему не помогут. Но, похоже, директрисе на него все-таки не настучала.

Таня возбужденно переступала с ноги на ногу, тербила пальцы. Она с трудом удерживалась на месте и если не могла двигаться, то болтала почти без умолку. Хотя одновременно болтать и двигаться для нее тоже не составляло труда.

— В принципе Марина вполне нормальная тетка, — продолжила она, когда Екатерина Владимировна объявила, что линейка закончена, и ученики неровным строем потянулись к выходу из зала. — Жаль, что от нее муж ушел.

Майя пораженно и чуть недоверчиво глянула на подругу.

— А это ты откуда знаешь?

— Случайно услышала, как директриса с завучем разговаривали, когда в учительскую за журналом бегала, — охотно пояснила Таня. — И что Марина с нами на базу поедет. А еще Лада, Руслан Юнирович и... — Она, как недавно Екатерина Владимировна, тоже выдержала красноречивую показательную паузу, сделала большие глаза и только потом выдохнула: — Пашечка. Представляешь?

«Пашечкой», произнося это имя непременно с томным придыханием, девчонки называли студента-практиканта Павла, который пришел в интернат две недели назад. Его появление практически с первых мгновений вызвало целую эмоциональ-

ную бурю среди местных обитателей. Возможно, включая даже педагогический состав. Но ничего тут удивительного.

Сотрудник-мужчина в любой школе большая редкость. В интернате их тоже раз-два и обчелся. Военрук — подполковник в отставке. Физрук и трудовик, которые тоже уже заметно в возрасте. Пришедший в прошлом году учитель географии Руслан Юнирович. Ну и дворник дядя Вася. Правда, его вообще лучше не считать. Но даже молодой географ на фоне практиканта безнадежно мерк, смотрелся слишком бледно и скучновато.

То ли дело Пашечка. Он был та-аким симпатичным! Со спортивной фигурой, довольно высокий, темноволосый, голубоглазый. Никогда не терялся, всегда знал, как ответить на подначки учеников, не отмахивался безразлично или раздраженно от навязчивого ребячьего внимания и вопросов. Еще и специальность у него необычная, даже какая-то особенно таинственная: пси-хо-лог.

Но главное, он так обаятельно улыбался! В отличие от большинства учителей и воспитателей, вечно ходивших или с очень серьезными, или с откровенно недовольными, или с утомленными лицами. И тоже, в отличие от них, разрешил обращаться к себе не по имени-отчеству, а как вожатая Лада, просто по имени — Павел.

— Пашечка, — с умилением повторила Таня, мечтательно закатив глаза. — И почти две недели на свободе! — Она даже подпрыгнула на ходу и взвизгнула от удовольствия, не в силах сдержать переполнявшие ее эмоции. — Отпад же, Майка! — Потом с недоумением воззрилась на подругу: — Ну ты чего? Совсем, что ли, не рада?

Майя независимо дернула плечами.

Если честно, она была рада ничуть не меньше, что не придется торчать все каникулы в интернате. Предстоящая поездка действительно выглядела притягательно, можно даже сказать, как самый настоящий волшебный новогодний подарок. И пусть рядом окажутся не родители, а все та же знакомая и чуть поднадоевшая компания во главе с воспитательницей Мариной Борисовной, зато остальное...

Но не признаваться же, не прыгать и не визжать от восторга, как подруга. А та уже торопливо рассказывала о своем очередном озарении.

Идеи не просто, как часто рисовали на картинках, словно лампочки внезапно загорались у нее в голове, а вспыхивали по очереди почти без перерыва, как бегущие огоньки на елочной гирлянде. И Таня, не откладывая, сразу делилась ими с Майей.

— А вдруг Пашечка нас гипнозу научит. Если попросить. Вот научимся и будем учителям внушать, что захотим. Например, чтобы они нам

просто так пятерки ставили. Или воспитателям. — Таня заводила перед собой руками, взывала низким потусторонним голосом: — Марина Борисовна, это не мы шестиклашкам в компот соли подсыпали. Это всё барабашка.

Майя не удержалась, хохотнула.

— Ну наконец-то, Бессмертнова! — удовлетворенно подытожила подруга. — Вот теперь я тебя узнаю. — И затарахтела с удвоенной энергией: — И вообще, можно уже начинать собираться. Список составить, что с собой взять. Новый год же. Может, нам и там дискотеку устроят. Ладу точно получится уговорить, она согласится. Да и Пашечка наверняка тоже. А еще я у девчонок из десятого тушь, тени и блеск для губ попрошу. Надеюсь, они дадут, не пожмутся.

— Наверняка, — кивнула Майя.

Девчонки обнялись и, громко распевая про белые розы, умирающие на морозе¹, потопали дальше к переходу, ведущему из учебного в жилой корпус.

¹ Имеется в виду песня «Белые розы» группы «Ласковый май». Музыка и слова С. Кузнецова.

ГЛАВА 2

Пока ехали до базы, начался снегопад. Снег валил и валил, не прекращая, крупными тяжелыми хлопьями, похожими на куски ваты, делая и без того плотно укрывавшее мир белое покрывало еще пышнее и толще. Водитель автобуса даже занервничал, с тревогой наблюдая, как заносит проложенную между высокими сугробами колею, но остальные, наоборот, были только рады. Особенно когда узнали, что к самой базе их все-таки довезут на санях.

Те уже заранее поджидали на дороге, скрепленные друг с другом паровозиком. Правда, запряженные не птицей-тройкой, а выдавшим виды гусеничным трактором, громко тархтевшим и пускавшим из трубы легкий серый дымок.

Заметив их, ребята повскакивали с мест, ринулись к выходу, игнорируя окрики взрослых и заставляя водителя занервничать еще сильнее. Тот даже доезжать не стал, надавил на тормоз, открыл двери.

Интернатские, как рассыпанные горошины, запрыгали вниз, нетерпеливо подталкивая друг друга и восторженно вопя. Ну и, конечно, не обошлось без происшествий.

Семиклассник Игорь Сарафанов то ли оступился, то ли оттолкнулся слишком сильно, поэтому, приземлившись, не удержался на ногах, пролетел дальше, воткнулся головой прямиком в высокий придорожный сугроб.

Никто не испугался, никто ему не посочувствовал, только громче заржали, наблюдая, как он выбирался, весь облепленный снегом. Даже лица почти не видно, вместо него комковатая белая маска.

Да он и сам ничуть не расстроился, отплеывался, обтирался, но тоже ржал.

Лада спрыгнула на дорогу сразу за ребятами, устремилась на помощь Игорю, но убедившись, что тот не просто не пострадал, а еще и крайне доволен всеобщим вниманием, остановилась, рассмеялась вместе с остальными, махнув рукой в сторону саней, возвестила жизнерадостно:

— Обещали вам катание шефы, вот! Даже три года ждать не пришлось. И конь в наличии. Пусть и железный.

Следующим из автобуса вылез Руслан Юнирович, огляделся, строго крикнул вслед спешно ломанувшемуся к саням Игорю: